

Д.О. ЧУРАКОВ

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

СССР ПРИ БРЕЖНЕВЕ

ПРАВДА ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Историческое расследование (Вече)

Димитрий Чураков

**СССР при Брежнев.
Правда великой эпохи**

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Чураков Д. О.

СССР при Брежневe. Правда великой эпохи / Д. О. Чураков —
«ВЕЧЕ», 2014 — (Историческое расследование (Вече))

Отношения к эпохе Брежнева менялось многократно, хотя её отделяет от нас совсем немного времени. И вот парадокс: чем дальше уходит она от нас, тем с большей ностальгией люди вспоминают былое могущество державы, свою собственную безопасность, стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Большинство людей не утопало в роскоши, но жило достойно, в достатке, не бедствовало. Человеческие отношения были искреннее и чище. Но потом в одночасье всё рухнуло. Что же произошло с нами и нашей страной? Опираясь на современные изыскания историков, а также на свой жизненный опыт, автор книги ведёт с читателем заинтересованный разговор о том, в какой стране все мы жили, и о том, в чём следует искать причины такой геополитической катастрофы, как разрушение СССР. В книге отвергаются расхожие исторические мифы и воссоздаётся правдивая картина жизни страны в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Предназначена всем интересующимся.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Чураков Д. О., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Введение	5
Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Димитрий Чураков

СССР при Брежневе.

Правда великой эпохи

Введение

Идея этой книги родилась у меня уже давно, около десяти лет назад. К тому времени у меня уже вышло несколько научных монографий по истории рабочего самоуправления в 1917 году и рабочего протеста в первый год строительства Советского государства. Те книги читались не только моими собратьями-историками, но и активистами рабочего и профсоюзного движения в России и других странах от Японии до Канады. Мне это было, конечно, приятно, но хотелось большего. Во-первых, хотелось выйти на более широкую аудиторию. Во-вторых, хотелось поделиться мыслями, а главное – переживаниями, которые невозможно втиснуть в рамки академической науки. И если уж в России даже поэт – больше чем поэт, то, тем более, историк в России может быть только гражданином и патриотом. На мое счастье, уже в те годы появилась и получила развитие так называемая художественная публицистика, а то и собственно историческая публицистика. В книжных магазинах книги этого жанра занимали целые стеллажи. И вряд ли случайно – многое в нашем прошлом остается актуальным и сегодня, является актуальным не только для исторической науки, но и для текущей политики.

Среди тем, не утративших свою актуальность, свое значимое место занимает время с 1964 по 1985 год. Мои детство и юность пришлось как раз на это время. Некоторые публицисты в годы «горбачевской катастрофы» и в ельцинские «лихие девяностые» называли моих сверстников «детьми застоя». Видимо, хотели уязвить нас. Но, честно признаюсь, среди моих одноклассников, друзей с моего двора или секций, в которых я занимался, на это определение мало кто обижается, тем более – всерьез. А многие – наоборот – гордятся. Поскольку понимают, особенно после того, что произошло за последние десятилетия после завершения брежневского времени, что «застой» на самом деле являлся расцветом России – СССР. Так что, называя нас «детьми застоя», недоброжелатели нашей страны фактически называют нас детьми эпохи наивысшего могущества нашей державы. Никогда до этого в России не производилось столько станков и машин, предметов повседневного использования, хлеба и других продуктов питания. Наконец, никогда не производилось столько много и такого совершенного оружия, как тогда. Это было и остается для многих из нас предметом гордости.

Никогда прежде, по сравнению с временем мнимого застоя, наша страна так бережно не заботилась о благополучии своих граждан. Никогда прежде не обладала таким могуществом.

Не являлась одной из двух сверхдержав. Наше поколение, собираясь в школу, стало свидетелем невиданного прорыва научной мысли – стыковки космических кораблей СССР и США. Отдыхая в Крыму, я своими глазами видел, как над нами пролетала стремительная, одна из самых ярких звезд – состыкованные «Союз» и «Аполлон». Так что мы являлись детьми не только застоя, но и 12 апреля 1961 года, дня космонавтики, когда наша страна превратила человечество в космическую расу. Наше поколение входило в жизнь в годы самой долгой в истории России мирной паузы. Мир, который нами воспринимался как естественное состояние, на самом деле стал следствием Победы, одержанной нашими дедами 9 мая 1945 года. Так что мы являлись детьми не только «застоя» и космического прорыва нашей Родины, но и Великой Победы. В общем-то, мы являлись детьми всей Советской эпохи... Ее последним поколением...

Да, многие из нас поверили миражам. Но вместо американских джинсов наше поколение и вообще все мы получили китайский ширпотреб. Да, многие из нас, вслед за поколением своих родителей, поверили сказкам о витринах, заваленных колбасой, не догадываясь, что это колбаса – из папье-маше и пластика. Вместо нее на нас обрушились «ножки Буша», которыми, без дополнительной обработки, можно морить тараканов и крыс. Да, многие из нас поверили мифам об американской мечте и свободе. Но вместо них нас ждали тоталитарные секты, международные террористы, законы магницких и финансовые советники чубайсов. Какое счастье, что мы не успели познакомиться с главными гарантами западной демократии и западного процветания – коврами бомбардировками, кассетными бомбами, крылатыми ракетами, бьющими по русским городам, беспилотниками, расстреливающими русские свадьбы, снарядам с обедненным ураном, миротворческими операциями НАТО по типу тех, которые испытали на себе Югославия, Судан, Ирак, Афганистан, Ливия...

И все же перестройка – не наш выбор. Когда она началась, мы только-только вступали во взрослую жизнь и ничего не могли противопоставить ее разлагающему и разрушающему движению. Нас, буквально как слепых щенков, вытрусил из уютного школьного гнезда в омут перемен. Многие утонули сразу. Многих, кто, казалось, выкарабкался, тупо перестреляли в лихолетье 1990-х годов. Но каждое преходящее в этот мир поколение имеет свою миссию, свою сверхзадачу. Такой сверхзадачей нашего поколения как последнего поколения Советской эпохи, безусловно, является сохранить и передать идущим за нами поколениям правду о нашем времени. Рассказать, как мы верили и во что верили. Как жили и для чего жили.

Именно эти мысли и настроения определяли мой выбор темы для новой книги. Изначально было понятно, что она не будет похоже на то, что мне приходилось писать прежде. Что мне, наконец, потребуется вырваться из размеренного ритма чисто научных монографий. Конечно, полностью переродиться в другого человека я не старался. Какие-то методы профессиональной работы историка, методы исторической науки мною использовались. Но теперь они дополнялись моими навыками публициста. Жанр исторической публицистики позволил мне не только собрать в единую картину факты истории СССР 1964–1985 годов, но и передать собственное отношение к ним. Для меня это было важно.

Поэтому я не торопился с завершением книги, делал большие перерывы в работе. Писал же я только в часы, когда воспоминания о том времени становились особенно живыми, когда память воскрешала не только факты, но пережитые чувства. Поэтому эта книга – не просто исследование или рассказ о периоде наивысшего подъема Красной Гипербореи, но и книга-исповедь. Это и книга-автобиография, хотя в ней нет практически ничего из пережитого мной лично. Но я ощущаю себя частью той замечательной эпохи, винтиком огромного часового механизма. И поэтому, рассказывая о своем времени, я рассказываю и о себе самом, о своем поколении, а главное – о той исторической Правде, которую мы сумели, несмотря ни на что, сохранить.

Глава I

От чего «застой» спас страну

Обращаясь к событиям 1964–1985 годов, невольно задаешь себе вопрос: что это было в действительности – действительно «застой» или все-таки нечто совершенно иное, а именно время расцвета и стабилизации Красной Империи, уникальной Советской Цивилизации? Ответ на этот вопрос люди, к сожалению, дают исходя из своих личных, далеко не всегда бескорыстных, интересов. Для того чтобы по возможности избежать этого и остаться на почве объективности, нам следует заглянуть немного назад и пристально взглянуть в предшествующую эпоху, которую называют «оттепелью».

Формально «оттепелью» следует называть период отечественной истории, начавшийся после И.В. Сталина. Его смерть, что ни говори, означала крутой перелом в исторических судьбах нашего народа. Эпоха Сталина с ее достижениями, победами и массовыми политическими репрессиями навсегда уходила в прошлое. Предстояло решить, как жить дальше.

Собственно говоря, наметки будущего курса страны были заложены еще в последние годы жизни красного диктатора. Основными положениями должны были стать налаживание добрососедских отношений с ближайшими соседями, постепенное смягчение репрессивности советской системы и, самое главное, окончательное оттеснение партии, а точнее, партийной бюрократии, от реальных рычагов управления страной, передача их в руки профессионалов-государственников. Сталина раздражала безответственность и некомпетентность иных партийных деятелей. Поэтому он стремился оставить за партией исключительно функции идеологического контроля и работы с кадрами. Главным органом, от которого исходили бы предназначенные для безукоснительного исполнения указания, должно было стать не Политбюро (с 1952 года оно стало называться Президиумом) ЦК КПСС, а Совет министров СССР.

Сталин умер, и теперь проведение намеченного курса ложилось на плечи его наследников. На раскачку им было дано около десяти лет, память о которых жива до сих пор.

* * *

Послесталинское десятилетие получило в историографии неоднозначную оценку. Непосредственно в хрущевский период начинания тех лет, будь то в области сельского хозяйства, социальной политики или межнациональных отношений, оценивались всегда самым восторженным образом. В дальнейшем, уже после смещения Хрущёва, восторженные оценки сменились резко негативными, а многое из того, чем 1950-е годы вошли в историю, просто замалчивалось. Это касалось и процессов десталинизации, и внутрипартийной борьбы, и даже пресловутой кукурузной кампании. Замалчиванию подлежали все многочисленные ошибки, просчеты и прегрешения самого Хрущёва, его семьи и его окружения.

Только с началом горбачевской «перестройки» у историков вновь возникает интерес к «оттепели». Вместе с тем очень многие публикации о Хрущёве, увидевшие свет после 1985 года, не были свободны от банальной конъюнктуры. Особенно сильно в перестроечной литературе оказался искажен образ самого Хрущёва. Этот персонаж нашей истории начал изображаться в самом радужном свете. Хрущёв представал со страниц полунаучных и публицистических произведений как мудрый, смелый реформатор и демократ, тогда как его противникам привешивали ярлыки ретроградов, консерваторов, а нередко – и палачей. Даже сейчас, когда прежние лакировочные оценки потеряли право прописки в серьезных исторических трудах, период 1953–1964 годов по-прежнему вызывает самые горячие дискуссии.

Различия в оценках «оттепели», существующие у разных авторов, вызваны той действительной противоречивостью и неоднозначностью процессов, которые определяли развитие советского общества в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века. Смерть Сталина открывала дорогу серьезным переменам в жизни советского общества. Все активнее разворачивалась ожидаемая многими либеральная перекройка режима... Процесс этот, однако, сильно отягощался соперничеством между наследниками ушедшего вождя, их стремлением занять его освободившееся место, добиться единоличной власти.

Наибольшие шансы в начавшейся еще у постели умирающего Сталина аппаратной борьбе имело несколько человек. Прежде всего, отличными стартовыми позициями располагал Г.М. Маленков. Ему достался важнейший пост председателя Совета министров. Именно этот пост сохранял за собой Сталин перед смертью, отказываясь быть генеральным секретарем партии. Затянутый Сталиным перенос центра тяжести с партийных на государственные органы именно пост предсовмина делал важнейшим в бюрократической иерархии. Возглавив Совет министров СССР, Маленков мог рассчитывать на поддержку государственной бюрократии. Кроме того он был очень силен в придворных интригах, его можно считать одной из ключевых фигур политической борьбы в верхушке советского истеблишмента еще с конца 1930-х годов. Слабой стороной Маленкова было отсутствие у него опыта самостоятельной руководящей работы: он никогда не возглавлял крупные партийные организации республиканского или областного уровня, находился на вторых ролях при Сталине.

Серьезным соперником борьбе за «майку лидера» являлся Л.П. Берия. Первые недели после установления коллективного руководства он был самым результативным игроком на политической шахматной доске. Берия располагал большим влиянием на правоохранительные органы и органы госбезопасности, являлся крупным хозяйственником. Обладая неоспоримым организаторским талантом, в годы Великой Отечественной войны и после нее он возглавлял самые трудные и важные участки государственной деятельности, всегда добивался весомых позитивных результатов (достаточно вспомнить хотя бы создание советской атомной бомбы). Берия, видимо, понимал, что его имидж «главного жандарма» не позволит стать официальным лидером страны. Но он вполне мог играть роль своеобразного «серого кардинала»: влиять на расстановку кадров, определять проводимый правительством курс. На это Берия и направил свои усилия.

В том, что предпринимал в тот момент Берия, в последние годы многие склонны видеть своего рода истоки нынешних радикальных реформ. Первым, с чего начал Берия, были попытки развенчать культ личности Сталина. «Главный полицейский Страны Советов» вовсе не ограничился символическими шагами. Берией было прекращено несколько на шумевших в прошлые годы политических дел: «мингрельское дело», «дело еврейского антифашистского комитета» и др. Радикальные меры принимаются для смягчения тюремного режима. Так, 4 апреля появляется приказ Берии «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Из тюрем и лагерей начинают возвращаться репрессированные в прошлые годы. Серьезные подвижки при Берии произошли также во внешней политике СССР. В частности, он требовал отказаться от строительства социализма в ГДР, вынашивал планы нормализации отношений с Югославией и т. д.

От борьбы за власть не отказывалась и «старая сталинская гвардия»: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян и др. Именно они выиграли от смещения Сталина больше других, не только избежав готовившихся против них репрессий, но восстановив все утраченные позиции в руководстве. Кроме того, Молотов был старейшим и наиболее авторитетным членом партийной верхушки. Именно в нем многие в Советском Союзе видели преемника Сталина. Большим авторитетом Молотов располагал также за рубежом.

По сравнению с этими могиканами и великанами советской эпохи позиции Хрущёва после смерти Сталина на первый взгляд выглядят просто ничтожными. Ему достался всего

лишь пост секретаря ЦК партии, притом что по традиции, оставшейся со времени Сталина, заседания Президиума ЦК вел председатель правительства – т. е. Маленков. Но нужно знать Хрущёва, чтобы понять, как жадно он уцепился за представившуюся ему почти иллюзорную возможность прибрать к рукам высшую власть. Хрущёв представлял собой типичный образчик проходимца и карьериста, готового на все ради достижения цели. Свою политическую карьеру он начинал еще в годы Гражданской войны. До 1918 года состоял в партии левых эсеров. После их разгрома – перебирается в большевистскую партию. Настоящий карьерный взлет начинается у Хрущёва со времени совместной учебы в партшколе с женой Сталина Надеждой Аллилуевой. Используя выгодное знакомство, он начинает быстро карабкаться по служебной лестнице вверх. О его аппаратных способностях говорит уже тот факт, что в начале 1950-х годов он являлся единственным человеком в высшем партийном руководстве, который в 1920-е годы выступал в поддержку Л.Д. Троцкого.

Первым его шагом становится раздробление сил вероятных соперников, в первую очередь Берии и Маленкова. Берия и Маленков в последние годы жизни Сталина довольно близко сошлись, составляли собой успешный политический тандем. Первоначально Хрущёв решил поквитаться с Берией, который, видимо, хорошо знал роль Хрущёва в подготовке покушения на Сталина. Такого свидетеля оставлять было опасно. Кроме того, Хрущёв боялся Берию как сильного организатора производства и интригана. Свалив Маленкова, Хрущёв заставил бы Берию насторожиться. А справиться с ним в одиночку Хрущёв не мог даже и мечтать.

А вот совместно с Маленковым, двое против одного – при таком раскладе можно было бы и посостязаться... Каким-то образом Хрущёву удалось убедить остальных членов высшего руководства в том, что Берия за их спиной готовил государственный переворот с целью установить в СССР полицейского государства. Подозрительность времен Сталина все еще была жива в умах многих руководителей, поэтому добиться своего Хрущёву было не так уж сложно. Ему удалось даже убедить в опасности со стороны Берии самого Маленкова, власть которого во многом держалась именно на поддержке главного чекиста. Позже Хрущёв сам признавался, что не раз нашептывал Маленкову на ушко: «Неужели ты не видишь, куда клонится дело? Мы идем к катастрофе. Берия подобрал для нас ножи»¹. И Маленков дрогнул.

Свой заранее выверенный удар Хрущёв нанес в июне 1953 года, сразу же после возвращения Берии из ГДР, где по поручению партии он умирал народные выступления против советской оккупации (хотя сам Берия последовательно выступал за подлинную демилитаризацию Германии – такова злая ирония истории!). Берии были приписаны самые страшные по тем временам грехи. Его обвиняли в стремлении достичь сговора с империалистами за счет социалистических преобразований в Восточной Европе, в неуважительном отношении к усопшему вождю, ошибках в национальном вопросе и т. д. Уже в это время Хрущёв начал усиливать свои позиции. Своим коньком он делает заманчиво звучащий лозунг возвращения к ленинским традициям. Но под этим Хрущёв умело скрывал не стремление вернуть некоторые демократические нормы партийной жизни, а совсем-совсем другое. По сути, выдвигая этот лозунг, Хрущёв подвергал ревизии решения XVIII и XIX партсъездов, курс на усиление роли государственных органов в противовес партийным. Хрущёв, как истинный левак, не мог допустить ничего подобного, тем более что, став секретарем партии и не получив никакой государственной должности, он мог опереться только на партбюрократию, поэтому должен был свято блюсти ее интересы, защищать все ее претензии на высшую власть в стране.

Соответственно этой хитроумной, но порочной стратегии Хрущёва главные обвинения Берии касались его желания якобы поставить интересы тайной полиции над интересами партии. В действительности Берия только осуществлял принятые раньше на этот счет решения, выполнение которых в последние месяцы Сталина из-за его личных качеств несколько притормозились. Берия активно осуществлял департизацию органов милиции и государственной безопасности. Изгонял назначенных в них за последнее время политических комиссаров-согла-

датаев. Аналогичную политику Берия проводил и в отношении всей системы управления, поскольку был против вмешательства партократии в решение политических вопросов. Особый страх соперников Берии вызвали его меры по повышению исполнительской дисциплины партийных руководителей на местах и привлечение к этому органов госбезопасности, что в конечном итоге и стало подоплекой обвинений Берии в подготовке государственного переворота.

Наиболее распространенная версия о конце карьеры Берии во всех своих вариантах утверждает, что он был арестован прямо на заседании Президиума ЦК КПСС. В его аресте приняли участие заместитель министра обороны маршал К.Г. Жуков, командующий Московским военным округом генерал К.С. Москаленко и другие высшие офицеры. После этого по его делу прошло короткое следствие, и он был расстрелян. Но есть и другие версии, согласно которым Берия был расстрелян сразу же после ареста, или даже вообще до начала заседания Президиума, а уже все последующие события, связанные с официальной версией заключения Берия под стражу и судом над ним, являются не более чем фальсификацией. В любой версии арест Берии выглядит заштатным государственным переворотом. Подготовка его отстранения от власти готовилось Хрущёвым тайно, с нарушениями всех норм партийной этики. Само смещение Берии было проведено с применением силы. Судилище над ним – пример вопиющего беззакония. И хотя оценка деятельности Берии никак не может быть положительной, но это не изменяет существа разыгранного Хрущёвым фарса.

Удаление с властного олимпа Берии имело и свои неоспоримо позитивные последствия, среди которых в первую очередь – это ограничение роли силовых органов. Уже само по себе это существенным образом корректировало модель послесталинской политической системы СССР, придавая ей более цивилизованные формы. Однако самого Хрущёва волновало совсем иное – он все еще не дотягивал до роли единоличного руководителя Красной Сверхдержавы, поскольку после устранения Берии во главе страны по-прежнему оставался Г.М. Маленков. Сам Маленков в целом поддерживал проводимый Берией курс на преодоление культа личности Сталина. В рамках этого курса он осуществил несколько важных мероприятий, которые могли бы в дальнейшем серьезно ускорить развитие советского общества. Так, существенно дальше, нежели Берии, Маленкову удалось продвинуться в деле реформирования правоохранительной системы. Он настоял на ликвидации всех чрезвычайных внесудебных органов, продолжил процесс реабилитации. В частности, было пересмотрено «ленинградское дело» (при этом, правда, нигде официально не упоминалось, что среди его инициаторов фигурировал и сам Маленков). Прежде всесильное Министерство государственной безопасности было поставлено под контроль партии и правительства, сужены его права, а в 1954 году оно вообще было преобразовано в Комитет государственной безопасности при Совмине СССР.

Немало решительных шагов было предпринято Маленковым также в области народного хозяйства. С одной стороны, он продолжал приводить некоторые особо популярные в народе мероприятия сталинского времени. При нем, в частности, было осуществлено последнее (по крайней мере – пока) в истории нашей страны радикальное снижение цен, чего после смещения Маленкова больше никогда не случалось. С другой стороны, начались серьезные экономические преобразования, быстро снискавшие поддержку Маленкову у преобладающего числа рядовых советских граждан. Реформаторские подходы к народному хозяйству были сформулированы Маленковым в августе 1953 года в его речи на сессии Верховного Совета СССР. В ней впервые за многие годы официально предусматривалось приоритетное развитие легкой промышленности, производство товаров народного потребления. Социальная переориентация экономики сопровождалась вводом в эксплуатацию нового жилья, повышением зарплаты. Улучшилась жизнь сельчан, поскольку Маленков пошел на беспрецедентное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. Лозунгом главы советского правительства стало достижение в стране изобилия.

Однако Хрущёву удалось серьезно укоротить период, в течение которого Маленков оставался главой правительства. Маленков в целом поддерживал начатый Сталиным еще до войны и поддержанный Берией процесс постепенного перераспределения властных полномочий в пользу государственного аппарата в ущерб аппарату коммунистической партии. Это решительно не устраивало многих советских функционеров, привыкших связывать свое собственное будущее с партийной карьерой. Выразителем этих настроений и старался быть Никита Сергеевич. В этом ему помогло несколько «ошибок» самого Маленкова. Прежде всего Маленков, стремясь к последовательной десталинизации и департизации советского общества, высказался за разделение двух постов – лидера партии и лидера государства. За собой он оставил должность предсовмина, которую, вслед за Сталиным и Берией, считал наиважнейшей на современном этапе. Хрущёву вручалась, как, по всей видимости, представлялось Маленкову, заштатная, чисто декоративная роль руководителя партии. Первоначально это даже не было оформлено официально. Только после смещения Берии, на сентябрьском пленуме ЦК КПСС, Хрущёв получает заветный пост первого секретаря. По справедливому замечанию историка Ю.В. Емельянова, членов партийного руководства не смутило даже то обстоятельство, что пост первого секретаря не был предусмотрен уставом КПСС. Видимо, увлекшись возней по переделу сталинского наследия, они совершенно не задумывались над тем, к чему могут привести подобные неуставные решения².

Как показало очень скорое будущее, Маленков недооценил не только «бойцовские качества» Хрущёва, но и весомость «ленинского наследия» в виде всесильной партийной бюрократии. А этой бюрократии совсем не улыбалась начатая Сталиным и продолженная Маленковым политика ограничения роли партноменклатуры и повышения ответственности партийного руководства перед страной. Само по себе избрание Хрущёва первым секретарем, как показывает историк Ю. Жуков, означало реванш и возвращение во власть самых консервативных кругов партийного руководства. Заодно с этим в полном объеме возобновлялись отмененные было Маленковым привилегии для партийного аппарата. Возрождалось право партийных чиновников принимать самые разнообразные решения, очень часто бесконтрольные и безответственные³.

Став наконец не только формально, но официально руководителем партии, Хрущёв сумел использовать все преимущества своего нового положения. Отныне в борьбе за сталинское наследие, Хрущёв, как и сам Сталин после смерти Ленина, сумел обеспечить себе контроль над партаппаратом. Первое публичное столкновение между двумя лидерами произошло на совещании по кадровым вопросам уже в ноябре 1953 года. Главный пафос речи Маленкова заключался в решительной борьбе с бюрократизмом «вплоть до его полного разгрома». Он говорил о «перерождении отдельных звеньев государственного аппарата», «выходе некоторых органов государства из-под партийного контроля», «полном пренебрежении нуждами народа», «взяточничестве и разложении морального облика коммуниста» и других вещах, вызывавших раздражение и панику среди собравшихся. Ф.М. Бурлацкий вспоминал, что после выступления главы Совета министров в зале стояла гробовая тишина, которую прервал живой и, как показалось Бурлацкому, веселый голос Хрущёва: «Все это так, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат – это наша опора». «И только тогда раздалась дружные, долго не смолкавшие аплодисменты», – описывает финал этого драматического эпизода Бурлацкий⁴.

Окончательно судьба председателя Совета министров СССР решалась на январском Пленуме ЦК КПСС 1955 года. На нем со стороны Хрущёва в адрес Маленкова прозвучали безапелляционные обвинения в популизме и правом оппортунизме. Разгрому подверглись его важнейшие инициативы во внешней политике, а также многие начинания в области экономики. В феврале 1955 года Маленков наконец оказался в «досрочной» отставке⁵. На его место

предсовмина временно был назначен бесцветный временщик Н.А. Булганин, а в 1958 году – наконец сам Хрущёв.

Однако и после успеха очередного государственного переворота, направленного против Маленкова, принципы коллективного руководства, провозглашенные вскоре после смерти Сталина, все еще формально оставались в силе. За вычетом Берии и Маленкова на высших постах в государстве и партии оставались многие прежние соратники Сталина, которые имели не меньшие амбиции, чем Хрущёв. Для того чтобы упрочить свою власть, Хрущёву требовались нестандартные, масштабные политические инициативы. И у Хрущёва хватило решимости пойти на них. Переломным событием в плане борьбы за власть становится XX съезд партии, на котором центральным событием явилось выступление Хрущёва с погромной критикой Сталина, и принятые по этому вопросу партийные документы. Это событие можно назвать эпохальным, поскольку наконец партноменклатуре удалось окончательно дискредитировать Сталина и проводимую им в последние годы своей жизни политику. В первую очередь это касалось особенно тревожащего партаппарат сталинского курса на департизацию государственной власти. Разоблачение культа личности, призывы реанимировать дело Ленина, вернуться к идеалам Октября, безусловно, были ориентированы на возрождение романтических традиций революционного прошлого, а следовательно – и на укрепление роли партии не только в государстве, но и в обществе в целом.

Историк Ю. Жуков именно в этом возвращении всевластия партаппарата видит «истинный смысл XX съезда»⁶. Во всяком случае, со времени XX съезда КПСС результат конфликта основных политических сил в лице государственного и партийного аппаратов за право доминировать в обществе был, без всяких сомнений, предрешен. Последний раунд политической борьбы за сталинское наследие приходится на первые месяцы после XX съезда. Группа высших советских чиновников обвинила Хрущёва в действиях, способствующих разрушению страны. В эту группу входили такие разноплановые, в прошлом нередко конфликтовавшие друг с другом политики, как Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Шепилов, Первухин. В июне 1957 года на заседании Президиума ЦК КПСС Молотов и Маленков неожиданно потребовали отставки Хрущёва. Их поддержало большинство членов Президиума. Однако Хрущёв отказался подчиняться. Опираясь на армию, в частности на Жукова, и на КГБ, Хрущёв в экстренном порядке собрал Пленум ЦК партии. В состав ЦК входили уже не самостоятельные политики, как в Президиум, а назначенцы Хрущёва, заведовавшие кадровыми вопросами. Закономерным итогом Пленума стали разгром «антипартийной группы» и гонения, начатые на ее членов. Один из участников той битвы гигантов Каганович позже так охарактеризовал произошедшее: «Это была антипартийная, антиленинская расправа со старыми деятелями партии и Советского государства, расправа за критику Первого секретаря ЦК Хрущёва, возмнившего себя незаменимым»⁷.

В период борьбы с Берией и «антипартийной группой» Хрущёву неоднократно приходилось обращаться за помощью к армейскому руководству. В результате резко возросло влияние министра обороны Г.К. Жукова. Для окончательного закрепления своего всевластия партноменклатуре необходимо было разгромить последнего конкурента в лице офицерства, дискредитировать и убрать с политической арены его наиболее авторитетного лидера. Особенно тревожило Хрущёва стремление Жукова ослабить контроль над армией со стороны политработников и руководящих органов КПСС, что никоим образом не вписывалось в курс Хрущёва на «реабилитацию» и «восстановление в правах» коммунистической партии. Выждав благоприятный момент, Хрущёв нанес по Жукову удар на уничтожение. Во время отсутствия маршала в Москве он был смещен с поста министра обороны и обвинен в раздувании культа своей личности, а также в непомерном преувеличении своей роли в годы Великой Отечественной войны – Хрущёву не давали покоя лавры народного полководца. Оценивая действия по смещению Жукова, не следует, конечно, забывать, что Жуков действительно был человеком вспыл-

чивым, грубым, до предела эгоистичным, совсем не разбирался в вопросах политики, но это трудно считать основанием для его опалы, тем более учитывая отношение к нему со стороны народа и армии.

Современный либеральный историк Пихоя совершенно точно оценивает случившееся в своей монографии: «С отставкой Жукова, – пишет он, – из политической жизни был устранен последний государственный институт, пытавшийся претендовать на известную независимость от партаппарата. МВД во главе с Берией, Совет Министров во главе с Маленковым и Булганиным и, наконец, армия с Жуковым были последовательно повержены аппаратом ЦК КПСС»... во главе с его непререкаемым лидером Никитой Сергеевичем Хрущёвым⁸. Время, когда политика была полем действия отдельных личностей, безвозвратно уходило в прошлое. Наступало время самодержавия партийного аппарата, по определению Пихои, «коллективного героя» советской истории последующих лет.

Добившись своей цели и став единоличным повелителем крупнейшей мировой державы, Хрущёв в полной мере смог проявить все свои качества руководителя: некомпетентность, непредсказуемость, непоследовательность, заносчивость, зазнайство, торопливость, неуважение к чужому мнению, левачество и т. д. Шараханья конца 1950-х – начала 1960-х годов в полной мере отразили взбалмошный характер самого Хрущёва. Позже, определяя сущность хрущевского правления как волюнтаристского, советские историки были еще очень деликатны и сдержанны в выборе выражений. Учиненное с нашей страной «дорогим Никитой Сергеевичем» вполне достойно менее «дипломатичных» выражений.

Если объективно оценивать причины стоявших на тот момент перед СССР проблем, то становится совершенно очевидно, что они были вызваны переходным состоянием советского общества. После завершения восстановления разрушенного войной перед страной встала важнейшая задача перевода экономики на интенсивные рельсы развития. Это было вызвано не только внутренними, но и внешнеполитическими обстоятельствами: во всех ведущих мировых державах в эти годы полным ходом разворачивалась научно-техническая революция (НТР). Советскому Союзу требовалось решать вопросы повышения эффективности своего хозяйственного развития, чтобы вновь не оказаться в ситуации стадиального отставания от стран Запада, как это имело место в первой трети XX века.

Вместо серьезного, вдумчивого подхода к этим задачам Хрущёв чаще всего занимался совершенно несуразными экспериментами, а кроме того, безыскусными фальсификациями (при нем, например, были «подправлены некоторые ленинские документы», сфабрикованы сообщения в центр «Рамзая» – Рихард Зорге и т. д.). При этом все свои сомнительные новации Хрущёв преподносил как результат глубокого теоретического осмысления новой эпохи. Чего стоят хрущевские «достижения» в идеологии, видно хотя бы из следующего примера. Проходивший в январе – феврале 1959 года XXI съезд КПСС сделал вывод о полной и окончательной победе в СССР социализма и начале развернутого строительства коммунизма (насколько этот социализм был построен окончательно – показали события перестройки, когда в конце 1980-х годов тараном бархатных революций был разрушен блок социалистических государств, а в 1991 году прекратил существование сам Советский Союз, возглавляемый в то время верным продолжателем «дела Хрущёва» М.С. Горбачевым). Еще более определенно новые мотивы советской доктрины прозвучали на состоявшемся в октябре 1961 года XXII съезде КПСС. На нем была принята новая Программа партии, в которой провозглашалось совершенно абсурдное обещание построить в Советском Союзе коммунизм всего за двадцать лет – к 1980 году! XXII съезд вошел в историю не только в связи появлением новой партийной программы «развернутого строительства коммунистического общества». На нем так же было вынесено решение о перезахоронении Сталина (ряд делегатов в знак протеста или по каким-то другим причинам во время принятия этого постановления отсутствовали в зале, за что их поведение расценили как «антипартийное»).

При этом все попытки Хрущёва быть большим марксистским теоретиком, чем сам Карл Маркс, ничего, кроме иронии, вызвать не могут. Хрущёва нельзя назвать не то что теоретически подкованным, но даже просто образованным человеком. В.Е. Семичастный, который в то время возглавлял советскую тайную полицию – КГБ, вспоминал: «Присвоив себе право бесконтрольно говорить все, что он хочет, Хрущёв стал выступать без подготовки. Его речи невозможно было публиковать: после его выступлений несколько человек садились за стол и на основе стенографической записи составляли речь, годную для публикации, стараясь соблюсти хотя бы простую логическую взаимосвязь»⁹.

Семичастный – опытный конспиратор и царедворец, даже в попростовии многих лет он не выдает всех государственных тайн, почему тексты Хрущёва нуждались в редакции. Современному публицисту Юрию Мухину скрывать нечего, он «уточняет» Семичастного следующим образом: «Никто и никогда не писал речей Ленину, никто и никогда не писал речей Сталину, – сообщает он. – Писать начали малограмотному Хрущёву, но не какие-нибудь “шестерки”-бурлацкие, а такие же, как и Хрущёв, секретари ЦК КПСС, да и то Хрущёв и эти тексты сначала безжалостно правил сам, а затем на трибуне плевал на текст и говорил то, что хотел сказать, да так *крепко говорил*, что потом стенограмму таких выступлений приходилось вновь переделывать для газет».

А сколько было трудностей с переводом речей Никиты Сергеевича на иностранные языки! Взять хотя бы его знаменитое обещание показать американцам «кузькину мать». Даже анекдот такой ходил, что американцы потом долго думали, кто же такая эта мать Кузьмы.

Сумел проявить свой талант теоретика Хрущёв и в других случаях. К примеру, однажды, проявляя свою осведомленность, Хрущёв заявил, что «Октябрьскую революцию совершили бабы». Тут уж за голову хватались не переводчики, а историки партии – кого Никита Сергеевич назвал «бабой»: Ленина или Дзержинского? Или еще один «научно обоснованный» вывод Хрущёва о возможности в кратчайшие сроки догнать и перегнать Америку! По этому поводу тоже был сочинен анекдот:

- Можем ли мы догнать и перегнать Америку?
- Догнать – догоним, а перегонять не станем.
- Почему?
- Стыдно будет перед всем миром голым задом сверкать!

О выдающихся теоретических способностях Хрущёва народ слагал и другие хлесткие анекдоты, например такие:

Вопрос: Что присудили тому антисоветчику, который назвал Хрущёва дураком?

Ответ армянского радио: Двадцать шесть лет.

Вопрос: Почему двадцать шесть (здесь нужно пояснить, что по законодательству тех лет максимальный срок заключения составлял двадцать пять лет)?

Ответ армянского радио: Год – за оскорбление личности, а двадцать пять – за разглашение государственной тайны.

Политическая демагогия Хрущёва не была такой уж безобидной, как это может показаться на первый взгляд. Если его «кузькиных матерей» и «женские революции» еще как-то удавалось сглаживать, то прожекты относительно мгновенного построения коммунизма и гонок с капитализмом несли в себе немалый разрушительный заряд. Колоссальные людские и материальные ресурсы нации бросались на достижение личных амбиций советского лидера. За «главным строителем коммунизма» шествовали «энтузиасты» помельче. Как мне рассказывали очевидцы, в первое время целинной кампании хлеб в столовых стал раздаваться даром – его можно было брать сколько хочешь. При этом мальчишки, не стесняясь, гоняли в футбол хлебными корками. Правда, хлебное «изобилие» очень быстро иссякло, но неуважительное отношение к хлебу осталось.

Слова очевидцев дополняются свидетельствами вполне «официальных лиц» – в частности Семичастного, – и о многом знал не понаслышке: «Некоторые чрезмерно старательные его (Хрущёва. – Д. Ч.) последователи на местах, – рассказывал Семичастный, – стремясь понравиться партийному вождю, от слов переходили к делу. Где-то в Киргизии решили кормить всех обедами бесплатно, в другом месте сделали бесплатным городской транспорт». Но все эти мероприятия, как и следовало ожидать, окончились полным провалом. Семичастный вспоминал: «Центральный комитет был вынужден заявить, что повсеместно для подобных нововведений у нас пока нет нужных средств»¹⁰. Понятно, что подобного рода метания вызывали у людей разочарование и неверие ни в какое «светлое будущее».

Советская экономика была поставлена Хрущёвым на грань выживания. В хрущевском десятилетии исследователи часто выделяют два этапа экономического развития, серьезно различающихся по своим результатам. Первый период совпадает со временем острой борьбы за власть Хрущёва с его оппонентами, второй – с ликвидацией коллегиального руководства и установлением единоличного доминирования Хрущёва. Собственно «хрущевский» период существования советской экономики начинается в годы шестой пятилетки (1956–1958). Плановые задания шестой пятилетки были одобрены XX съездом. Но, по всей видимости, игра в демократа и борца с тиранией уже тогда всерьез увлекла Хрущёва, и вопросам народного хозяйства внимание он стал уделять постольку-поскольку. В результате задания шестого пятилетнего плана оказались под угрозой неминуемого срыва. С целью сокрыть намечавшиеся трудности, еще до завершения шестой пятилетки, на внеочередном XXI съезде КПСС в 1959 году было объявлено о переходе к новой, семилетней системе перспективного планирования.

Вместо прежних «сталинских пятилеток» была провозглашена «хрущевская семилетка» (1959–1965). Понятно, что подобные бесхитростные бюрократические маневры никак не могли улучшить положение дел в народном хозяйстве. К тому же в годы семилетки на состоянии дел в промышленности и сельском хозяйстве уже начали сказываться последствия непродуманных административно-хозяйственных преобразований (о которых речь пойдет ниже). С 1961 года начинается процесс непрерывного падения темпов развития советской экономики. В результате провала своей промышленной политики, за несколько месяцев до надвигавшейся отставки «великий стратег» выступил с очередной «смелой инициативой» – перейти уже не к семилетнему, а к восьмилетнему плану развития. Всем, кто окружал Хрущёва, было ясно, что 70-летний старец в который уже раз стремится запрячь свои провалы за пеленой преобразований, «смазать» плачевные итоги семилетки, полностью уйти от ответственности, при этом совершенно не считаясь с интересами страны и стабильностью экономики (стоит только представить вот такую картину: тысячи, десятки тысяч заводов, фабрик, совхозов, колхозов, строительно-монтажных управлений, научных и учебных заведений, огромная Советская армия, города, области, края, целые республики работали над составлением перспективных планов своего развития на ближайшие 5 лет. Центральные планирующие органы приложили громадные усилия, чтобы свести эти предварительные наброски в единую строго выверенную, просчитанную до мелочей программу действий, учесть и урегулировать все имеющиеся столкновения интересов между тысячами хозяйствующих субъектов. Сколько времени, а главное – денег на это было затрачено! И вот в угоду амбициям одного только человека требовалось перечеркнуть все, что было уже сделано, начать все сначала. Что бы получилось с народным хозяйством СССР, если бы его втянули в эту лихорадку перманентного планирования!).

Нельзя не указать и еще одну причину, по которой Хрущёву очень не хотелось признавать свое фиаско. Дело в том, что семилетка была провозглашена своеобразной «магистральной дорогой к коммунизму». В вышедшем в 1959 году, вскоре после XXI съезда партии, учебнике по истории КПСС так и разъяснялось советским студентам: «В единогласно принятой резолюции съезд одобрил тезисы и доклад Н.С. Хрущёва, утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Семилетний план развития народного хозяй-

ства СССР – важнейшая часть разработанной партией программы строительства коммунистического общества, решающий этап в создании материально-технической базы коммунизма. Коренная проблема семилетия – максимально выиграть время в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом». И еще: «В течение этого периода практически должна быть решена историческая задача СССР – догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения». Признать провал семилетки означало для Хрущёва расписаться в утопичности всех его прежних теоретических художеств, совершить политическое самоубийство. Но отказываться от власти никак не входило в планы Хрущёва, по всей видимости возжелавшего царствовать вечно.

В этой связи имеет смысл коснуться следующего обстоятельства. Некоторые очень уважаемые современные авторы полагают, что хрущевская «загогулина» по переходу от пятилетки к семилетке была вызвана вовсе не боязнью ответственности, а необходимостью пересчитать народно-хозяйственные планы после отказа от министерств и создания совнархозов (об этих изобретенных Хрущёвым химерах впереди речь еще пойдет). Подобного рода суждения следует категорически опровергнуть. Во-первых, почему ставка на совнархозы требовала именно семилетки? Ведь планы можно было бы пересчитать и сроком на пять лет! Во вторых, семилетка была введена только в 1959 году, тогда как совнархозы были учреждены еще в 1957 году. Совершенно очевидно, что соответствующую доработку плановых заданий можно было бы начать сразу же, параллельно с реформой управления, а еще лучше – поступить согласно народной мудрости: семь раз отмерь – один раз отрежь, а не наоборот (т. е. сперва посчитай, во что это обойдется, а потом уже тратить народные денежки на переход к семилетке). Наконец, маневры Хрущёва вокруг восьмилетки показывают, что и переход к семилетке был вызван абсолютно теми же причинами – страхом перед мнением народа.

Серьезные проблемы на рубеже 50-х и 60-х годов прошлого века наметились и в финансовой сфере. Во многом это было вызвано болезненным пристрастием Хрущёва к разного рода грандиозным хозяйственным проектам, требовавшим колоссальных денежных затрат, но не дававших прямой экономической выгоды. Так, в годы семилетки на востоке страны была введена в действие крупнейшая на тот момент в мире Братская ГЭС. Но целесообразность ее строительства была более чем сомнительна. Сам Хрущёв простодушно признавался: «Взять, к примеру, Братскую гидроэлектростанцию. Мы ее скоро построим, но потребителя электроэнергии, которую будет вырабатывать эта станция, мы на месте пока не имеем». Между тем советской экономике этот проект стоил 15 млрд руб. Еще более масштабных затрат требовала инициированная Хрущёвым целинная эпопея. Она безвозвратно унесла не менее 44 млрд рублей. Еще один проект, связанный с переброской стока рек Печоры и Вычегды в Каспийское море, с которым Хрущёва познакомил академик С.Я. Жук, оценивается исследователями в 7 млрд руб. Все эти расходы тяжелым бременем ложились на советский бюджет, из которого и так с каждым годом все больше и больше средств в силу жизненной необходимости приходилось тратить на оборону.

Негативные последствия дала также проведенная в 1961 году денежная реформа. Первые мероприятия по ее подготовке были предприняты еще во второй половине 1950-х годов. В январе 1959 года Президиум АН СССР создал специальную комиссию, в состав которой вошли многие видные экономисты тех лет. В задачу комиссии входило научно проработать вопросы исчисления стоимости в социалистическом хозяйстве, дать практические рекомендации руководству страны по изменению финансовой политики. Однако работа комиссии шла медленно, между входившими в нее учеными выявились существенные разногласия. Но Хрущёву отступать не хотелось. В результате реализация реформы, начало которой положило изданное 4 мая 1960 года постановление Совета министров СССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами», как и многое другое в то время, проводилась без научной проработки осуществляемых мер и особенно их возможных результатов.

В плане практического осуществления реформы в январе 1961 года была проведена деноминация рубля: 10 старых рублей приравнивались к одному новому. В обращение вводились денежные знаки образца 1961 года достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей, а также монеты достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 копеек и 1 рубль. Все старые бумажные и металлические деньги (за исключением монет достоинством 1, 2 и 3 копейки) подлежали обмену в течение января – марта. В результате деноминации скачкообразно увеличился курс рубля по отношению к доллару. В советском сатирическом журнале «Крокодил» в те дни была даже помещена карикатура, на которой рубль успешно нокаутировал доллар и теперь подбирался к английскому фунту стерлингов. Однако такое изменение курса рубля было экономически совершенно необоснованно и в перспективе убыточно. Пала экспортная привлекательность советских товаров, понапрасну тратились немалые средства на поддержание нового паритета с долларом. В результате ни к какому реальному укреплению рубля реформа не привела.

Пострадали от реформы и рядовые советские граждане, поскольку ее прямым и неизбежным, а кроме того абсолютно прогнозируемым следствием стал ощутимый рост цен. Население проиграло даже во время самой реформы, поскольку изменившийся масштаб цен потребовал их определенной коррекции. Не трудно догадаться, что пересмотр цен производился с учетом интересов «государства», но никак не с учетом нужд простых людей. В силу этого вся кампания приобрела вид мелкой каверзной аферы. Так, до реформы почтовая открытка старыми деньгами стоила 25 коп., а новыми – 3 коп.; разговор по телефону-автомату раньше стоил 15 коп., а стал – 2 коп. Повысились цены также на спички, иголки, конверты для писем и многие другие товары повседневного спроса. В дальнейшем цены стали успешно ползти вверх, и обещания скорого коммунистического рая, где деньги исчезнут совсем, стали вызывать только иронию: дескать – при таких ценах действительно из деньги из карманов простых тружеников действительно скоро исчезнут.

Среди несомненных заслуг Хрущёва даже многие его политические соперники называли Целинную эпопею. На самом же деле, как и во многих других случаях, хорошую идею Хрущёв выдвинул не сам, а попросту украл, при этом еще и обогнав ее автора (действительным организатором освоения Целины являлся вовсе не Хрущёв, а Г.М. Маленков). При этом Хрущёв не только украл чужую идею, еще и переиначил ее самым диким образом. Маленкову освоение целинных и залежных земель виделось как постепенное, хорошо организованное продвижение советского человека на новые, ранее не используемые территории. Приоритет же Маленков предлагал отдать восстановлению русского села, сельского хозяйства в коренных русских губерниях, при этом сделав ставку не на экстенсивный, а интенсивный, как и во всем мире, путь развития деревни.

Но Хрущёв решил все по-своему. Были резко, совершенно абсурдно увеличены задания по хозяйственному освоению новых земель. Техника и люди буквально выбрасывались в чистое поле, где не было ни дорог, ни жилья, ни даже укрытий для техники, которая ржавела под дождями и снегом, заносилась песком, сгорала под лучами беспощадного солнца. Поначалу освоение Целины позволило несколько увеличить производство зерна. Заговорили об исторической победе колхозной деревни, социалистической организации труда над капитализмом. Но у сведущих людей хрущевское бахвальство вызвало только бессильную ярость. Очень скоро первые победы на Целине сменились неизбежными чувствительными поражениями. Непродуманная система землепользования привела к эрозии почв. Эффективность использования освоенных Целинных просторов упала на 65 %. Возникла угроза экологической катастрофы. Земля требовала к себе человеческого, т. е. уважительного, бережного и разумного отношения. Без удобрений, без лесозащитных насаждений, без орошения и т. д. целинная земля быстро превращалась в пустыню, которая жестоко мстила за свое поругание. А в то же самое время сельскохозяйственный Центр исторической России приходил в упадок. Разоренный войной, он нуждался в крупных инвестициях, технике, людях. Но все силы были брошены на Целину.

В одной частушке хрущевскому целинному безумию был вынесен совершенно оправданный приговор. В ней пелось:

Мы поедem на Луну,
Там засеem Целину,
А потом капиталистам
В одно место вставим клизму!

Такой вот итог хрущевского соревнования с «проклятым капитализмом» на Целине...

В конце 1950-х годов накопившиеся проблемы стали сдерживать сельскохозяйственное развитие в целом. Негативные последствия имели, в частности, необоснованные опасения Хрущёва, что улучшение материального положения колхозников приведет к перерождению их в кулачество. На предотвращение этого, а также на создание «единой коммунистической собственности» был направлен ряд шагов. В частности, в 1959 году произошла реорганизация МТС, а точнее – их расформирование. Колхозы, чтобы не остаться без техники, были вынуждены выкупать ее по крайне невыгодной, завышенной государством цене. У колхозов возникли громадные задолженности, делавшие их данниками государства. Кроме того, были потеряны ценнейшие кадры механизаторов, формировавшиеся несколько десятилетий. Чтобы не лишиться своего социального статуса и сохранить материальный достаток, механизаторы не шли в колхозы, а искали работу в городе. В результате впервые в истории колхозного строительства (за исключением военного времени) произошло внушительное сокращение парка сельхозмашин.

В том же 1959 году Хрущёв начинает наступление на подсобные хозяйства колхозников. Сокращались личные наделы, запрещалось держать коров, овец, свиней. Некоторые историки называют эти меры «раскрестьяниванием», видят в них причину обострения продовольственной проблемы в стране. Еще тяжелее оказались психологические последствия этой преступной политики: в последующие годы дискриминационные меры были отменены, но люди уже не желали заводить домашний скот и работать на земле, увеличился отток сельчан в город. Реформа закончилась очередной кампанией по укрупнению колхозов. По существу, руководство стремилось реанимировать амбициозные планы создания агрогородов, которыми Хрущёв болел уже давно. Так, где-то в конце 1940-х годов в «Правде» появилась хрущевская статья с соответствующими предложениями. Сталин от глупости Хрущёва буквально пришел в негодование. Он не мог понять, как же его наместник на Украине может думать о мифических агрогородах, когда вся республика лежит в руинах? Сталин, что называется, всыпал «киевскому мечтателю» по первое число. «Ты сперва людей из землянок вытащи», – требовал Сталин от зарвавшегося чиновника. Хрущёв перепугался, затих, но о своих прожектах не забыл. И вот, сконцентрировав в своих руках никем не контролируемую власть, он захотел «взять реванш». Однако серьезного финансирования выделено не было, а село, разоренное «реорганизацией» МТС, не могло самостоятельно осуществить столь грандиозные замыслы «великого реформатора». Вновь начавшаяся без подготовительной работы реформа привела к исчезновению целых деревень и еще большему отставанию сельского хозяйства.

Говоря о сельскохозяйственной политике хрущевского времени, историки и мемуаристы чаще всего вспоминают о «кукурузной кампании». Сама по себе идея специализации сельского хозяйства являлась давно назревшей. Другое дело, как была организована ее реализация. Резкое увеличение площадей под кукурузу шло за счет сокращения посевов хлеба – основной сельскохозяйственной культуры России на протяжении всех веков ее истории. Посев кукурузы осуществлялся также в районах, где по климатическим условиям делать это было невыгодно – вплоть до Архангельска. В результате произошло общее сокращение сбора зерновых. Впервые в своей истории с 1963 года наша страна начала закупать хлеб за рубежом. На эти операции в

1963 году было выделено 372,2 т золота, т. е. около трети всего золотого запаса СССР! А всего на закупку хлеба в капстранах было затрачено 860 т золота. Цены на сельхозпродукцию подскочили в среднем на треть. Сократилось потребление населения. Через 20 лет после войны в стране вводилась карточная система (и это при том, что в сталинском СССР карточки были отменены еще в 1947 году, т. е. раньше, чем во всех остальных пострадавших в годы войны странах).

Кукурузная кампания не в последнюю очередь была вызвана стремлением Хрущёва повысить производительность животноводства, в особенности свиноводства. Любовь Хрущёва к свиноводству тоже нашла отражение в анекдотах. Заодно народ выражал свое отношение к самому Хрущёву. Один из анекдотов звучал так:

Фоторепортаж в газете «Правда» «Посещение Хрущёвым свинофермы». Подпись под одной из фотографий: «Хрущёв среди поросят. Третий слева – Хрущёв».

Несмотря на показательные хрущевские кампании, положение в животноводстве продолжало ухудшаться. В первую очередь это было вызвано самими новациями хрущевского времени, нацеленными якобы на резкое поднятие производства мяса. Наиболее ярким проявлением волюнтаристских шагов в этой сфере стала «рязанская катастрофа». Местное рязанское руководство пообещало в 1959 году за двенадцать месяцев утроить производство мяса. Хрущёв сразу же поддержал очковтирателей. Они были обласканы прессой, получили высшие советские награды. Для выполнения нелепого плана в Рязани пришлось забить весь молодняк, существенную часть молочного стада, в обязательном порядке изымались коровы из личных подсобных хозяйств колхозников. Но и этого было недостаточно. Тогда начались массовые закупки скота в других областях. В результате поголовье скота в Рязани упало больше, чем в среднем по стране в годы коллективизации и войны, – на целых 65 %. И это в условиях, когда страна могла уже развиваться совершенно спокойно и становиться великой без всяких великих потрясений! Ситуация усугубилась провалом целинной политики.

Не менее печальные последствия имели и другие реформаторские потуги Хрущёва. К примеру – в жилищном строительстве. Но прежде следует сделать небольшое «лирическое» отступление. В конце 1930-х – начале 1950-х годов в нашей стране рождается новый архитектурный стиль, который кто-то называет сталинским классицизмом, кто-то – имперским стилем... Но как бы то ни было, построенные в это время строения (и дома, которые возводили уже позже, но по проектам тех лет) поражают своей величественностью, основательностью, удобством, органично вписываются в архитектуру русских городов. В годы Хрущёва этот новый советский, красный классицизм полностью уничтожается. Он заменяется новым, крайне убогим стилем, который по праву можно назвать «хрущевским авангардизмом» (хотя сам Хрущёв, как известно, на публике к авангардизму относился крайне отрицательно). Хрущёвское время вошло в историю развития мировой и отечественной архитектуры появлением уродливых административных и прочих общественных зданий из стекла и бетона, самым нелепым из которых стал московский Дворец съездов, полностью исказивший архитектурный ансамбль Московского Кремля, который формировался несколько веков, а разрушен был в считанные месяцы.

Ту же политику Хрущёв гнул и в области жилищной застройки. Всю необъятную страну от запада до востока покрыли совершенно однообразные, неприглядные, безликие, совершенно убогие пятиэтажки, которые в народе, по аналогии с трущобами, очень быстро прозвали «хрущобами». Не решаясь отрицать очевидное, а именно уродливость и крайнюю непродуманность внутренней планировки хрущевских пятиэтажек, защитники «великого архитектора, прораба и строителя в одном лице» – Никиты Сергеевича – пытаются дать критикам «асимметричный ответ». Они упирают на то, что после войны миллионы советских людей вообще не имели какого-либо жилья, ютились в бараках, коммуналках и даже землянках. А Хрущёв,

дескать, смог в самые сжатые сроки предоставить им приличное жилье, стране же он сэкономил огромные средства, отказавшись от помпезности сталинских домов.

Что касается качества предоставленного Хрущёвым жилья, то «приличным» его можно назвать действительно только по сравнению с землянками, да открытым небом над головой. Уверен, что ни один из нынешних заступников «хрущоб» сам не живет в подобных «очень удобных» квартирах, предпочитая ютиться в

жалкой лачуге где-нибудь на захолустном Рублевском шоссе... Даже простое элементарное улучшение внутренней планировки позволило бы людям жить в гораздо более комфортных условиях! Кроме того, хрущевки очень и очень быстро морально устаревали, превращались уже в настоящие трущобы, и люди вынуждены были жить в аварийных условиях десятилетиями! А теперь к вопросу о баснословной экономии – в наши дни приходится сносить понастроенные тогда пятиэтажки в силу их ветхости, хотя не только сталинские высотки, но и простые деревенские деревянные дома служат людям гораздо дольше и сносить их никому не приходит в голову. Как говорят в народе – скупой платит дважды, жаль только, что платил за свои архитектурные пристрастия не сам Хрущёв, а государство и простые люди из своих карманов.

Но, может быть, убыточная в перспективе, хрущевская идея фикс запрудить все советские города своими безобразными пятиэтажками действительно давала возможность сэкономить столь необходимые стране средства в расчете на ближайшее время? Опять таки нет – для страны хрущевки были разорительны изначально, что бы сегодня ни вешали их адвокаты, пользующиеся неосведомленностью своих слушателей. По свидетельству Д.С. Полянского и А.Н. Шелепина, панельные хрущевки были плохи в силу того, что затраты на коммуникации делали себестоимость каждого метра площади в них много дороже, чем при строительстве 9—12-этажных домов. При этом они не учитывали затраты на городскую инфраструктуру, экологию, транспорт и т. д. Словом, хрущевский «пятиэтажный рай» был хорош только для парадной отчетности – вот, дескать, сколько советских семей удалось в кратчайшие сроки обеспечить собственным жильем!

Помимо экономических, широкая душа Хрущёва требовала проведения и других реформ, к примеру – в сфере национально-государственного строительства. Хотя Хрущёв и стал главным палачом Берии, на практике он был его верным учеником и продолжателем. Это вылилось не только в хрущевское наступление на сталинизм во время XX и XXII съездов КПСС, но и в политическую линию по решению национального вопроса. Можно много хвалить Хрущёва за реабилитацию некоторых малых народов, репрессированных во время Сталина. Но даже тут Хрущёв проявил свойственный ему «волюнтаризм» – каким-то народам вернули их государственность, по отношению к другим – отделались «искренними сожалениями». К числу таких обделенных народов относятся, например, крымские татары. Почему же с ними так обошлись? А потому, что Крым Хрущёв предназначал для своей милой «неньки Украины» (об этом мы еще скажем), и ему вовсе не хотелось создавать там очаг межнациональной напряженности, любезно предоставив разбираться с крымскими татарами русским и казахам.

А вот Чечня осталась на территории РСФСР, и поэтому ничего не остановило Хрущёва, пожелавшего вернуть чеченцев в их горы. Но, чувствуя слабость власти, чеченцы справедливо решили не останавливаться на достигнутом. В районах, куда начался массовый приток чеченского населения, органы правопорядка фиксировали резкую криминализацию обстановки. Росло число краж, грабежей, бандитских нападений. Временами дело доходило до массовых столкновений, в том числе с властями. Так, 26–28 августа 1958 года в столице Чечено-Ингушской АССР Грозном имели место крупные волнения русского населения на почве ущемления их прав пришлым населением (а надо отметить, что Грозный всегда являлся именно русским городом, чеченской была лишь его округа, при Хрущёве эта ситуация стала быстро меняться). В результате беспорядков пострадали более 30 человек разной национальности, двое из которых умерли. Среди пострадавших оказались заместитель министра внутренних дел респуб-

лики, секретарь обкома КПСС, работники милиции и другие официальные лица. Добавим, что массовые беспорядки на националистической почве в тот период возникали также в Грузии, Прибалтике, некоторых других регионах страны.

Если же говорить в целом, то при Хрущёве, так же как и при Берии, осуществлялся общий курс на дерусификацию и коренизацию интеллигенции и управленческого аппарата национальных республик. В рамках этой политики из республик изгонялись грамотные русские специалисты, а вместо них выдвигали часто недоучившиеся «местные кадры». Понятно, что на благо страны это никоим образом не работало, а местный национализм и межнациональные трения только обострялись. А вот для РСФСР мероприятия по развитию национального самосознания русских считались опасными. Российской Федерации не полагалось иметь ни своей партийной организацию, ни своей столицы. Даже своей, Российской академии наук. Когда вопрос о создании Российской академии наук поднимался на самом высоком уровне, ее создание было признано недопустимым. Отмечалось, что передача научных учреждений, находящихся на территории РСФСР, в ведение республиканской Академии наук якобы привела бы либо к ликвидации АН СССР, либо к превращению ее в бюрократическую надстройку. В качестве компромисса было принято решение о создании Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске. Сегодня очевидна вся надуманность предлогов, под которыми Хрущёвым была похоронена Российская академия наук, а также несоизмеримость предпринятых компромиссных мер по сравнению с теми задачами, которые стояли перед русской наукой на рубеже 1950-1960-х годов (в качестве еще одного «лирического отступления» добавим, что Хрущёв, как любой невежественный и бескультурный человек, вообще ненавидел всю науку и особенно самих ученых. Перед всем партийным руководством он выступил с сумасбродным требованием разогнать АН СССР. Только его своевременная отставка спасла отечественную науку от такого же разгрома, которому при Хрущёве подверглось сельское хозяйство нашей страны).

Важным компонентом хрущевской борьбы с «русским национализмом», да что там, — всей хрущевской «оттепели», становится провокационная линия на уничтожение православия. Уже в 1954 году под руководством самого Хрущёва были приняты два постановления ЦК КПСС, выделявшиеся своей антиправославной направленностью: «О крупнейших недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения».

Как отмечал видный церковный деятель наших дней митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, они недвусмысленно знаменовали собой конец «золотого десятилетия» сотрудничества власти и церкви, возвращали страну на два десятилетия назад, во времена «безбожной пятилетки». Со своих постов изгоняются главные проводники политики сближения Церкви и Советского государства при Сталине митрополит Николай и председатель Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ при СНК СССР) Г.Г. Карпов. Идеологическое обоснование удушения православия закладывалось в новую программу партии — в «счастливое коммунистическое завтра» церковнослужителям дорога была закрыта. Сам «дорогой Никита Сергеевич» обещал народу, что пройдет всего несколько лет, и по телевизору будут показывать «последнего попа»...

В исследовании по истории Русской православной церкви канадский историк Д. Поспеловский подробно обобщает все антицерковные мероприятия хрущевского времени. На священнослужителей оказывалось небывалое давление с целью заставить их отречься от церкви и от священного сана. Сократилось число приходов: после войны их действовало около 20 тыс., а в 1964 году, когда Хрущёва наконец сняли, — лишь 11,5 тыс. Закрывались монастыри. В Российской Федерации их сохранилось только два — в Загорске (Сергиевом Посаде) и Печерах с числом монахов 113 человек. Продолжали свою работу только три духовные семинарии: в Москве, Ленинграде и Одессе. Кроме того, были проведены некоторые административно-хозяйственные реформы, в результате которых у церкви изъяли свыше 1 тыс. га земли,

священники оказались в положении наемных служащих церковных общин. Многие тысячи священников с членами их семей остались без средств к существованию. Все религиозные требы, будь то крещение, венчание или панихиды, должны были осуществляться только с разрешения властей. Верующих увольняли с работы, выгоняли с учебы, исключали из партии и комсомола. Хрущёвым были также предприняты меры, имевшие прежде всего не практический, а сугубо символический смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.